Презентация ко 2-му и 3-му занятию ридинг-группы #МолодойАвгустин 23 и 30.01 2020, МХАТ

Ведущий: Бандуровский Константин

Несколько слов о скульптуре на первом слайде

Это экоскульптура Пьетро Вилла в жанре Recovery Art, выполненная в 2018.
Recovery Art следует августинианским идеалам разумного потребления.

Обращаясь к августинианской иконографии, скульптор воплощает сложную символическую систему в противовес «современному искусству, следующему безумию момента, с отсутствием отсылок, когда в повседневной жизни все случайно, и не задумывается о трансцендентном, как святой Августин».

Лицо вдохновлено африканскими скульптурами и масками, что подчеркивает происхождение Августина и его воинственную защиту истины. Вторичное применение материалов использованных, предварительно напряженных, применяя понятие теории бриколажа Леви-Стросса, подсказывает интересные решения, например волосы из арматуры с рифленой поверхностью (тип A400) выглядят как дреды.

На теле Августина множество символов, как в африканском боди-арте.

- Сердце, пронзенное стрелой христовой любви – самый распространенный иконографичекий атрибут Августина-кардиофора («Ты уязвил сердце наше любовью Твоею»).
- Другой атрибут – книга.
- Спираль – движение мысли Августина к Богу, и обратным движением Августин изливает свое сердце миру.

Цитата у подножия:

> «Благодарим Тебя, Боже наш! Мы Твои: вразумления и утешения Твои говорят об этом. Верный Своим обещаниям дал Ты Верекунду за его именьице в Кассициаке, где мы отдохнули в Тебе от мирских треволнений, красоту Твоего вечно зеленеющего рая, ибо отпустил ему земные грехи его "на горе молочной, на горе Твоей, горе изобилия".»
> И вторая: «Мысли о Боге лучше, чем слова о Нем. Но Он еще лучше, чем в наших мыслях».

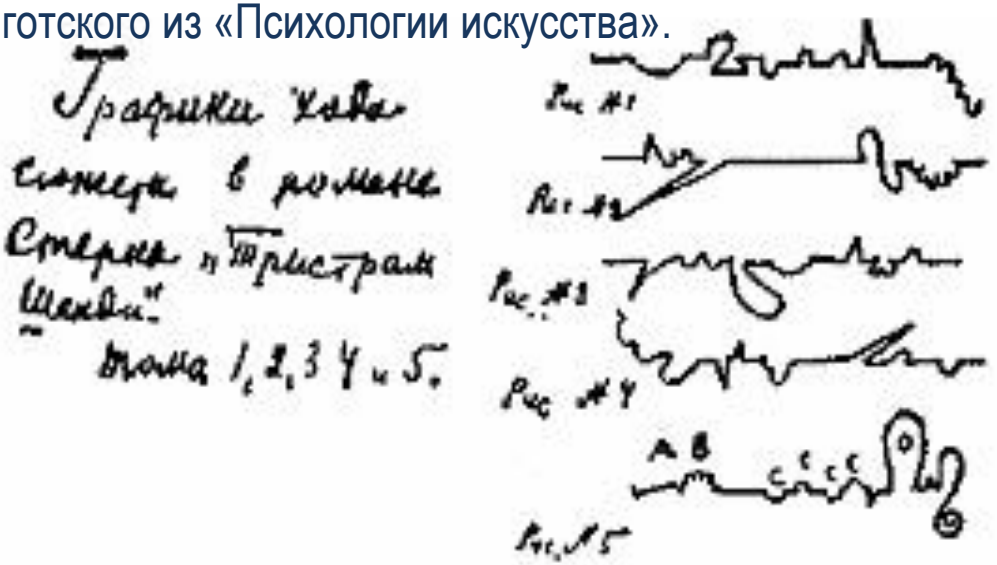
Приходский священник Дон Джузеппе Котуньо на открытии выразил идею скульптуры так:

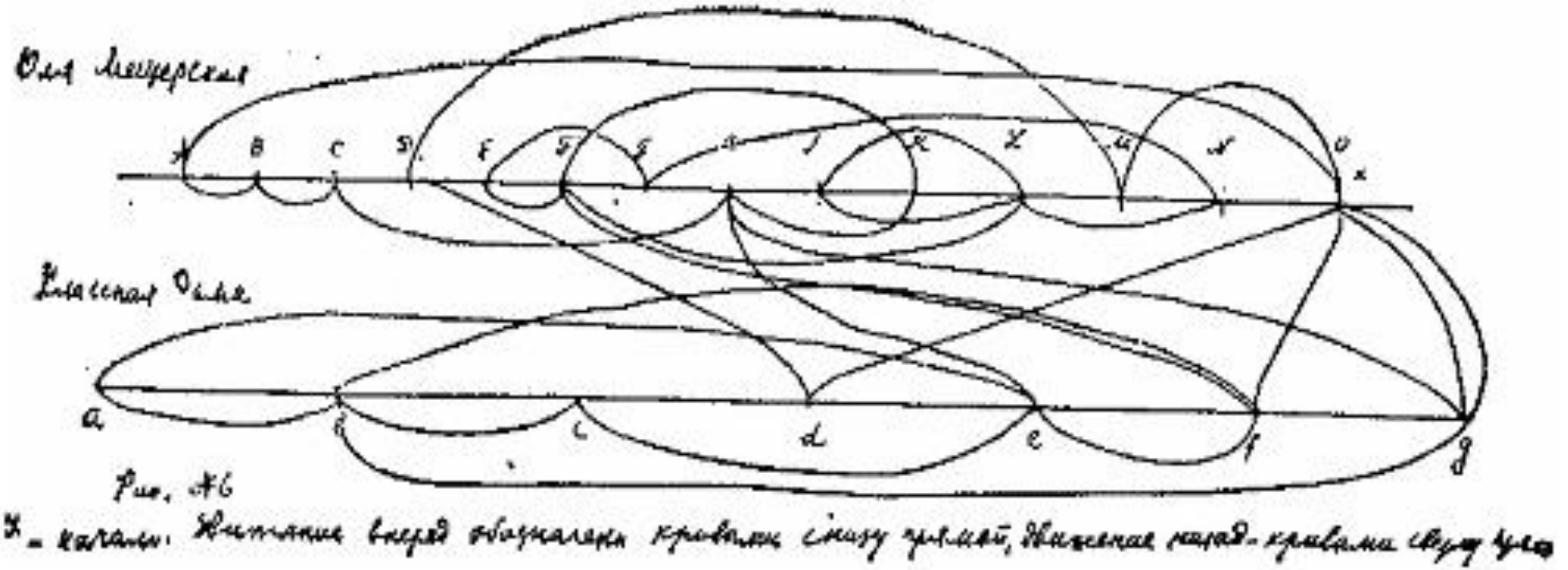
> «Эта работа поможет нам сегодня приблизится к таинству Троицы… разнообразие - это богатство, но в той степени, в которой оно причастно единому. Это важно для наших церковных реалий - ассоциаций, движений, но это дает нам иной взгляд на жизнь гражданского общества. Мы просим, с помощью Святого Августина, обрести этот взгляд, способный ценить различия в единстве и общении».

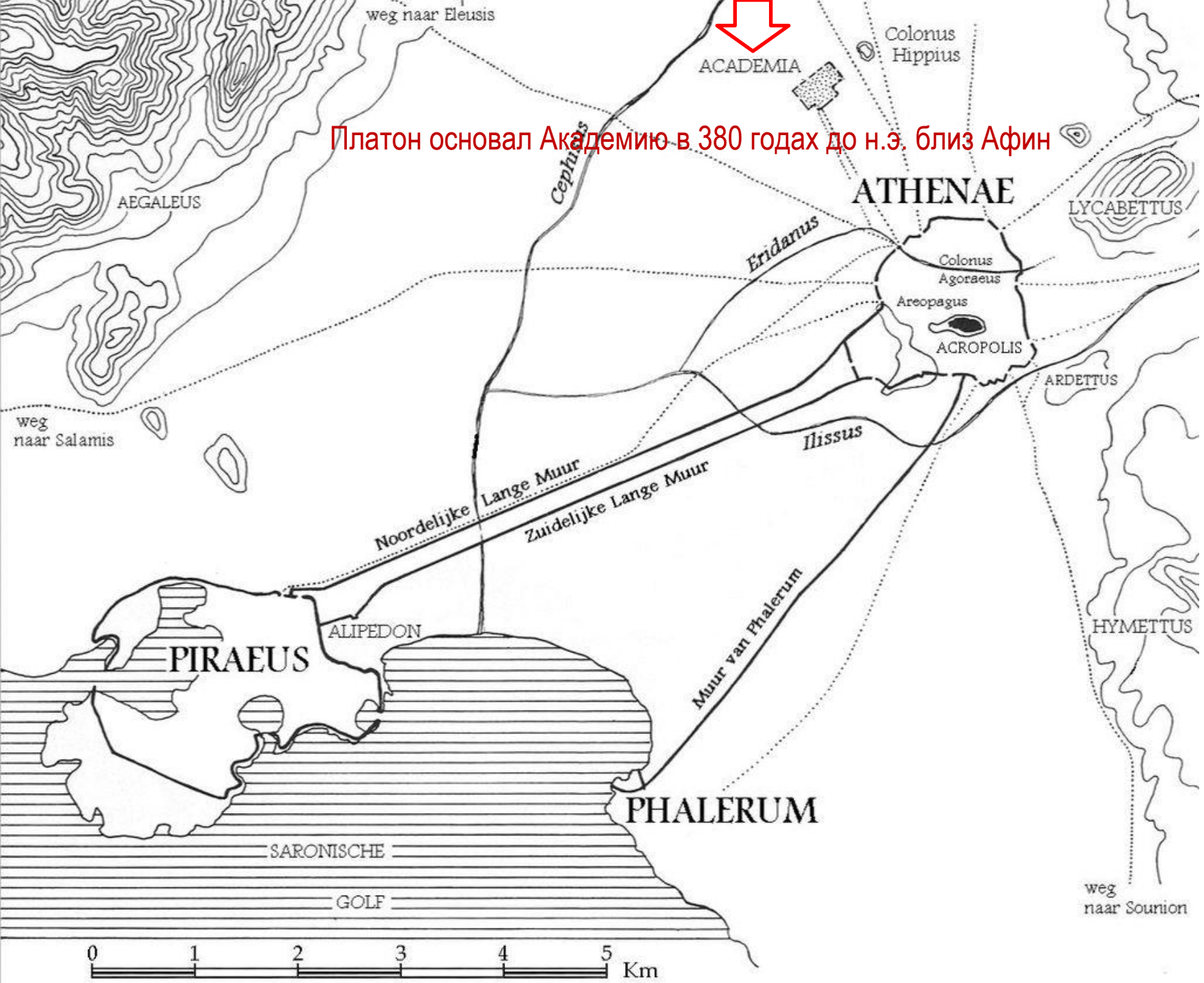
Скульптура находится в парке города Кашаго, который его жители считают бывшим Кассициаком, а Августина – покровителем, спасшим город от чумы в средние века.

В Кашаго есть Институт Августина, а учащиеся школы (под руководством Уолтера Конфалоньери, 2014 (2013 на мозаике – дата открытия Института)) делают такие мозаики на черном африканском мраморе: легенда о Троице; надпись: «люби и делай, что хочешь».

Мы оказываемся в джунглях, «в этом лесу вещей, перебродив по всем почти тропинкам, мы и теперь не смогли напасть на следы истины. Но что станем делать?»
Рисунки Стерна из «Тристама Шенди» и Выготского из «Психологии искусства».






weg naar Eleusis
ACADEMIA
Colonus Hippius
Платон основал Академию в 380 годах до н.э. близ Афин
Cephissus
AEGALEUS
ATHENAE
LYCABETTUS
Eridanus
Colonus Agoraeus
Areopagus
ACROPOLIS
ARDETTUS
weg naar Salamis
Ilissus
Noordelijke Lange Muur
Zuidelijke Lange Muur
ALIPEDON
PIRAEUS
Muur van Phalerum
HYMETTUS
PHALERUM
SARONISCHE
GOLF
weg naar Sounion
0 1 2 3 4 5 Km

Первая Академия (до 266 г. до н. э) – ученики Платона (Спевсипп, Ксенократ, Полемон, Кратет)

Вторая Академия – сколарх Аркесилай (266-241 гг. до н. э), полемика со стоиками, скептицизм

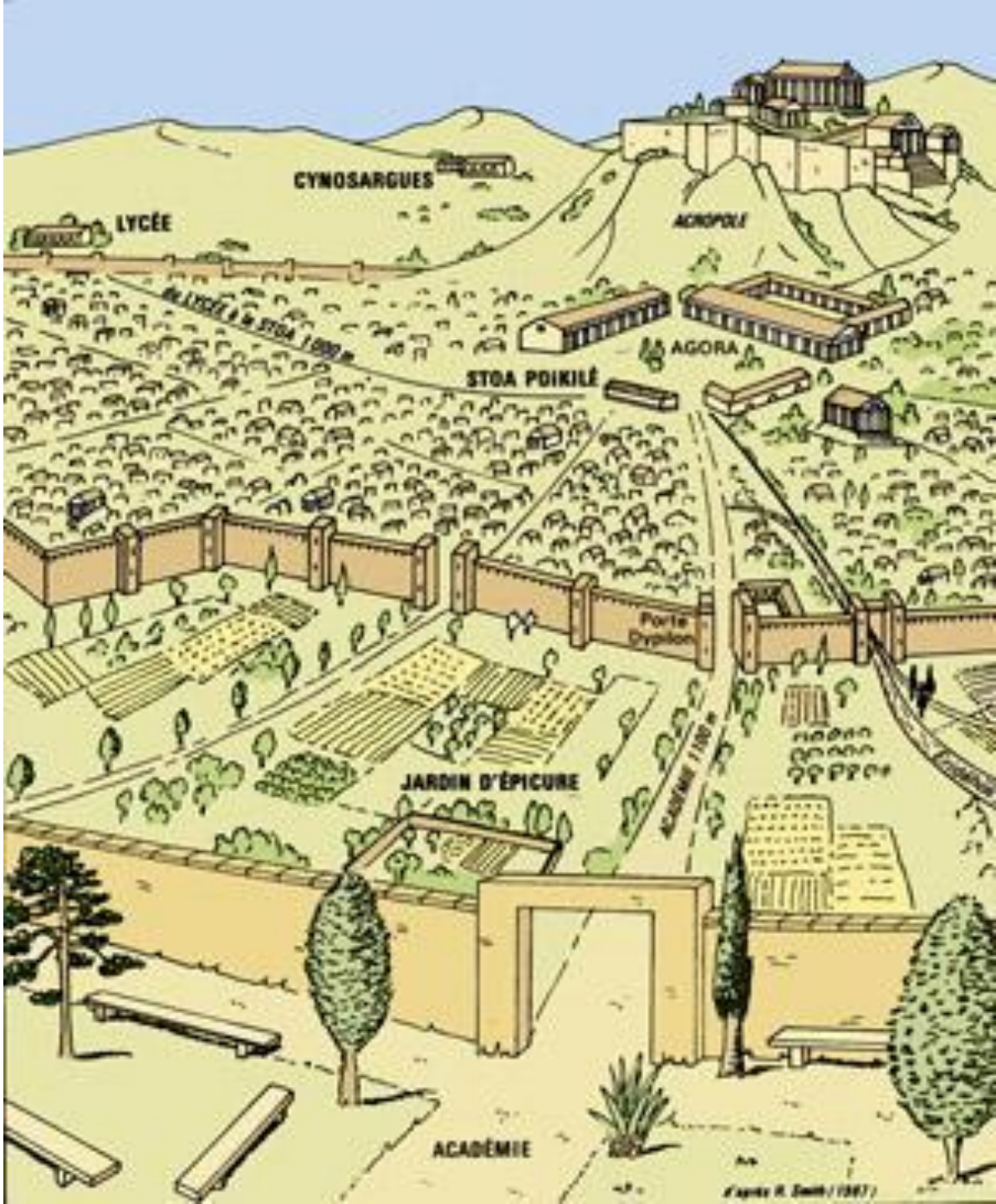
Третья Академия – сколарх Карнеад (155-129 гг. до н. э), разработка вероятностных значений

Четвертая Академия – Антиох из Аскалона (около 130 — 68 гг. до н. э), поворот от скептицизма, учитель Цицерона и Варрона

Пятая Академия - неоплатонизм

Проблема: почему последователи Платона пришли к скептицизму, хотя сам Платон противостял скептицизму софистов?

На илл: расположение философских школ в Афинах (Академия, Сад Эпикура, Стоя,Лицей, Киносарг).



Скептицизм – сомнение в возможности познания объективной истины

Умеренный скептицизм (в отношении чувственного мира) присущ большинству философов Античности кроме стоиков и эпикурейцев.

Крайний скептицизм – софисты и скептики

Софист Протагор - «человек — мера всех вещей». Существует только релятивистская, субъективная истина: для здорового человека мед – сладкий, для больного – горький, и бессмысленно говорить, каков мед на самом деле.

Скептик Пиррон – принцип «эпохе», воздержания от суждений.

Пиррон из Элиды (360-275 до н.э.), основатель скептицизма.

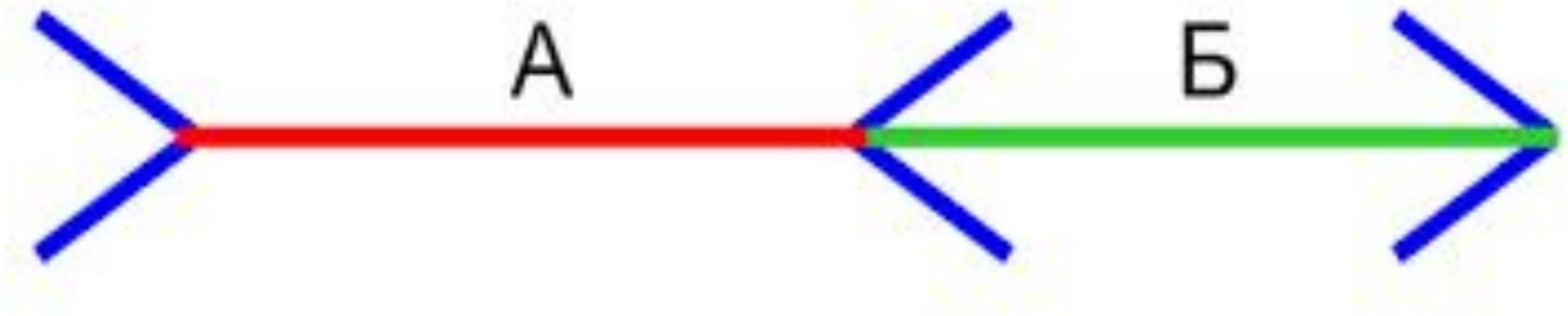
«Мудрецу надлежит подражать спокойствию поросенка»

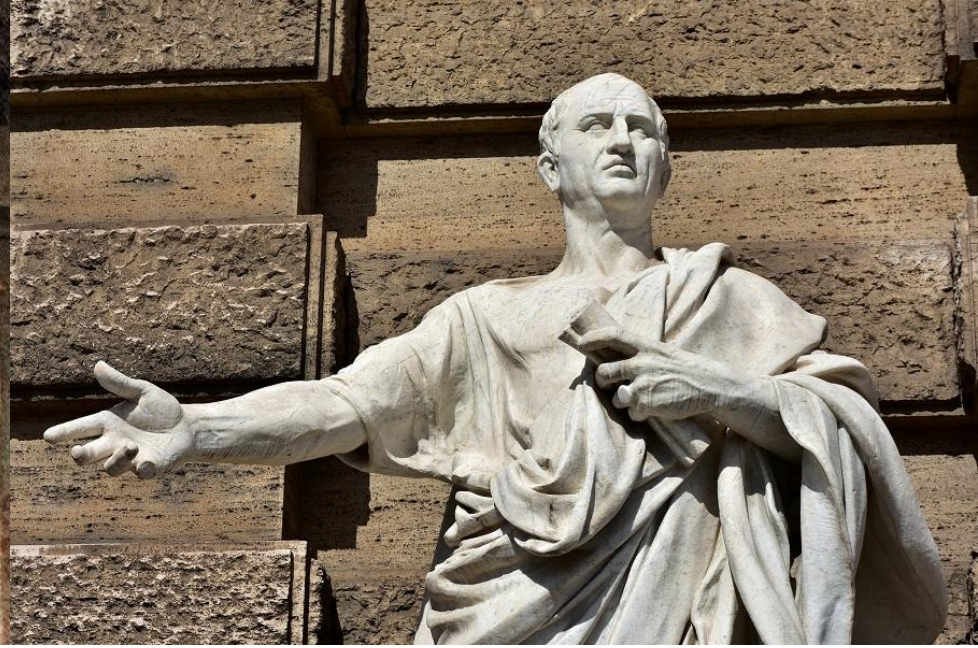
Доводы скептиков против возможности познания:

10 тропов Энесидема (против чувственного познания)
Различия воспринимающих существ, их состояний, условий восприятия, количественных показателей, привычности, убеждений относительно должного и прекрасного.

5 тропов Агриппы (против интеллектуального познания)
Абстрактность понятий, необоснованность аксиом, круг в доказательстве, неполнота индукции.

На илл: оптическая иллюзия – линия А кажется длиннее, чем Б.





Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.) – римский философ, оратор и политик. Считается не сколько оригинальным мыслителем, сколько человеком, изложившим идеи различных греческих философов и создавшим латинский философский язык, многие слова из которого вошли в общеевропейский обиход. Сам симпатизировал стоикам, но так же был умеренным скептиком.

«Гортензий, или О философии» – утраченный диалог Цицерона (45 до н.э.), сохранилось около 100 фрагментов.

Обстоятельства: Цицерон в это время был удручен диктатурой Цезаря, разводом с женой Теренцией и смертью дочери Туллии. Он удалился на виллу в Астурии, где в уединении написал ряд философских работ.

Жанр: протрептик (увещевание, побуждение).

Действие: происходит на вилле политика Луция Лициния Лукулла (117—56 годы до н.э.) в 62 г.

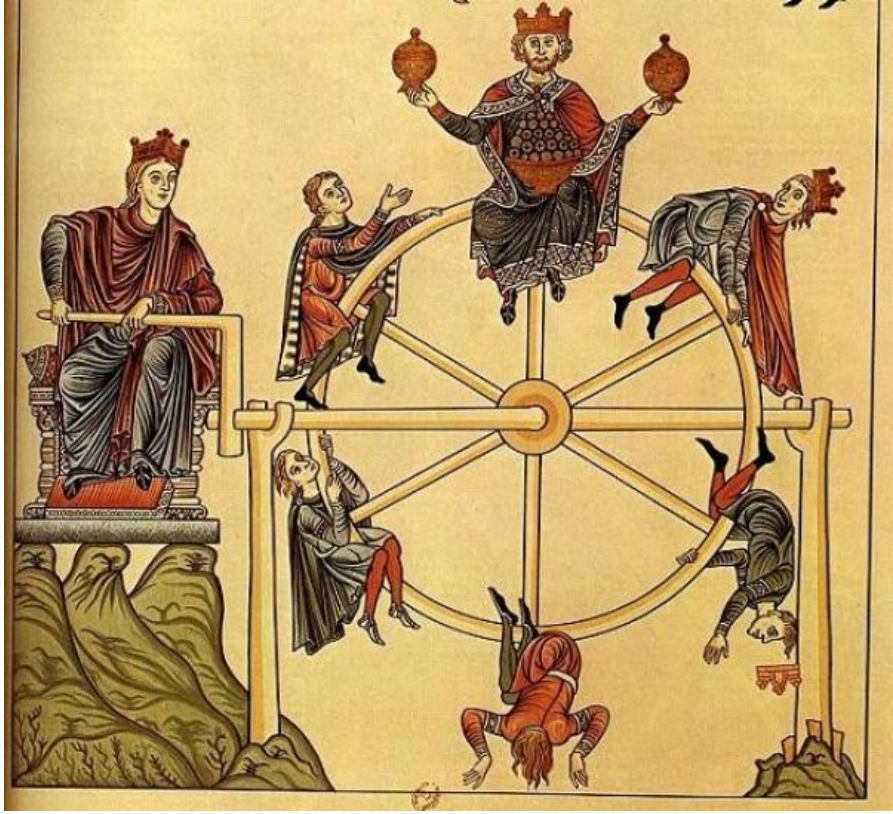
Персонажи: Цицерон, Лукулл, политик и оратор Квинт Гортензий Гортал, именем которого назван диалог, и политик, историк и поэт Квинт Лутаций Катул.

Тема: какой вид деятельности важнее для человеческого блаженства (понимаемого ими как otium) –
поэзия (Катул),
история (Лукулл),
риторика (Гортензий),
философия (сам Цицерон).

На илл: Вилла Лукулла в Риме (но действие происходит не его другой вилле).

Предисловие

1. О если бы, Романиан, добродетель могла потребовать у противодействующей ей фортуны достойного человека, да еще и так, чтобы последняя вновь не отобрала его у нее. Тогда, несомненно, добродетель давно уже наложила бы на тебя руку, провозгласила бы тебя человеком вольным и ввела бы во владение имуществом самым благонадежным, дабы не допустить тебя раболепствовать даже перед счастливой случайностью. Но по грехам ли нашим, или же по естественной необходимости так устроено, что божественный дух, присущий смертным, никоим образом не входит в гавань мудрости, где не тревожило бы его никакое дуновение фортуны – ни противное, ни благоприятное, если, конечно, не введет его в эту гавань сама же фортуна, (безусловно, счастливая, хотя порой и кажущаяся несчастной. Поэтому нам не остается ничего другого, кроме молитв за тебя, которыми мы испросили бы, если сможем, у пекущегося о том Бога, чтобы он возвратил тебя самому себе; ибо тем самым Он легко возвратит тебя и нам и позволит твоему уму, который уже давно едва имеет чем дышать, выбраться, наконец, на воздух истинной свободы.



Аллегория активно используется в искусстве поздней Античности и Средневековья и кажется нам чем-то странным.

Шеллинг :
Частное через общее – схема,
Общее через частное – аллегория
Синтез частного и общего – символ.

Согласно **Гегелю**, в аллегории всеобщий смысл сам по себе получает преобладание над разъясняющим образом, который может выступать лишь как простой атрибут или произвольно выбранный образ. Его субъективность лишена конкретной индивидуальности, поэтому аллегория холодна и бессодержательна. Она создается больше рассудком, чем конкретным созерцанием и волнуемой глубоким чувством фантазией.

Кроче: «выражение, внешним образом присоединенное к другому выражению», она «монструозна», поскольку она зашифровывает два содержания в одну форму., она извращает, затемняет исходный смысл.

Беньямин: «Аллегорическая проницательность одним махом превращает вещи и творения в волнующие письмена».

Аллегория Мудрости предстает у Августина вполне чувственно: «мудрость ты желаешь видеть целомудренным взором и заключить в свои чистые объятья, не допуская никакого покрова, как бы нагою, такою, какой она не дозволяет себя видеть и обнимать никому, кроме весьма немногих и самых избранных своих почитателей, любящих одну лишь ее».

Сандро Ботичелли. Клевета. Фрагмент: Истина и Раскаяние. 1495.

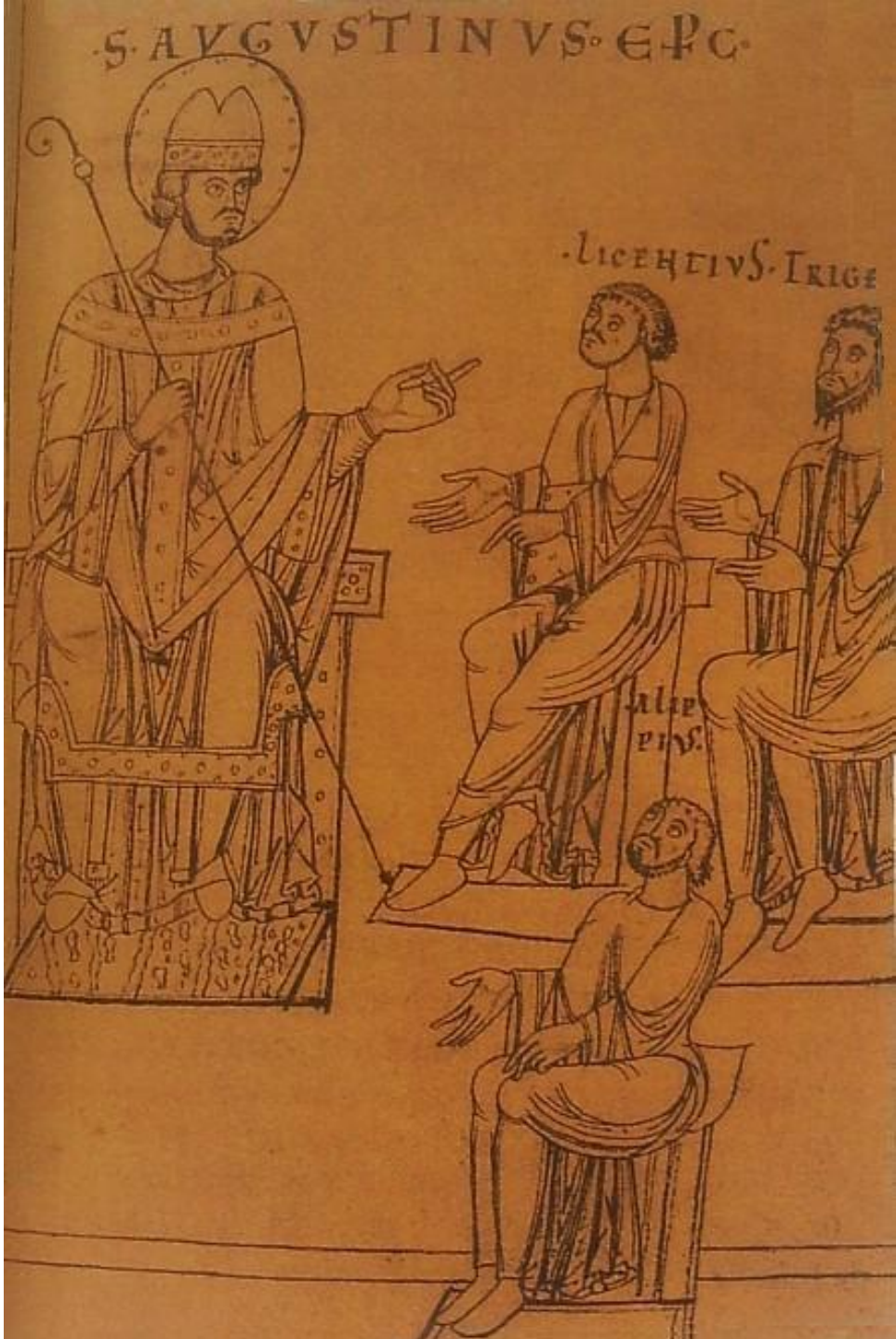
Однако по традиции мудрость изображается одетой, часто даже в доспехах, нагой изображается истина.

Ведь, возможно, то, что мы обыкновенно называем фортуной, управляется некоторым сокровенным повелением, и случаем в событиях считается не что иное, как-то, основание и причина чего нам попросту неизвестны, и ничего не случается выгодного или невыгодного в частности, что не было бы согласовано и соотнесено с Общим. Эту мысль, высказанную в основных положениях самых плодотворных учений и столь трудно постигаемую людьми непосвященными, и обещает доказать своим истинным любителям философия, к занятиям которой я тебя и приглашаю. Поэтому, если и случается с тобой многое, недостойное твоего духа, не спеши презирать самого себя. Коль скоро божественное провидение простирается и на нас, – в чем сомневаться не следует, – то, поверь мне, если с тобой что-нибудь происходит, то так оно и должно происходить. Так, когда ты, с такими своими природными свойствами, которым я всегда удивлялся, с первых дней юности, не поддержанной, увы, разумом, скользкой стезей вступил в человеческую жизнь, переполненную всякими заблуждениями, – водоворот богатств охватил тебя и стал поглощать в обольстительных омутах тот возраст и дух, который с радостью следовал всему, что казалось прекрасным и честным; и только те дуновения фортуны, которые считаются несчастьями, извлекли тебя, почти утонувшего, оттуда.

Ведь если бы тебя, когда ты затевал медвежьи бои и прочие никогда не виданные нашими гражданами зрелища, всегда встречало оглушительное рукоплескание театра; если бы дружные и единодушные голоса глупцов, число коих безмерно, превозносили тебя до небес; если бы никто не осмелился быть тебе врагом; если бы муниципальные таблицы объявляли тебя своими медными письменами патроном не только своих граждан, но и жителей соседних округов, воздвигались бы тебе статуи, текли почести, придавались степени власти, превышающие объем власти муниципальной, накрывались тучные столы для ежедневных пиршеств; если бы каждый, кому что необходимо, и даже просто желательно для наслаждения, без отказа бы просил и без отказа получал, а многое раздавалось бы и непросящим; если бы и хозяйство, тщательно и добросовестно ведущееся твоими управляющими, оказывалось бы достаточным и готовым к удовлетворению твоих издержек, а сам ты, тем временем, проводил бы жизнь в изящнейших громадах зданий, в роскоши бань, в играх, не пятнающих чести, на охотах, на пирах, слыл бы на устах клиентов, на устах граждан, на устах, наконец, целых народов человеколюбивейшим, щедрейшим, красивейшим и счастливейшим, каковым бы и был, – кто тогда осмелился бы напомнить тебе, Романиан, о другой блаженной жизни, которая, собственно, одна и блаженна? Кто, спрашиваю? Кто мог бы убедить тебя, что ты не только не был счастлив, но, напротив, был тем более жалок, чем менее таковым казался сам себе? Теперь же, благодаря таким и стольким перенесенным тобою несчастьям, как просто стало тебя увещать! Нужно ли ныне далеко ходить за примерами того, как непостоянно, непрочно и чревато всевозможными бедствиями все то, что смертные считают благами? – ведь, в известной степени, ты так хорошо испытал это сам, что твоим примером мы можем убеждать других!

Итак, те твои достоинства, в силу которых ты всегда стремился к прекрасному и честному, хотел скорее быть щедрым и справедливым, нежели богатым и могущественным, никогда не поддавался бедствиям и мерзостям, – то самое, говорю, божественное, что было усыплено в тебе, уж и не знаю, каким сном этой жизни, какой летаргией, – таинственное провидение вновь пробудило разнообразными и суровыми потрясениями. Пробудись же, пробудись, прошу тебя! Поверь мне, ты еще будешь благодарен судьбе за то, что она не забросала тебя дарами благополучия, на которые так падки многие простаки, дарами, которыми чуть было не прельстился и я сам, и лишь душевная боль смогла принудить меня бежать от открытого всем ветрам образа жизни и искать прибежища в недрах философии. Это она теперь питает и согревает меня в том самом покое, которого мы так сильно желали. Это она освободила меня от того суеверия, в которое я так опрометчиво увлекал вслед за собой и тебя, мой Романиан. Ибо это она учит, и учит справедливо, не почитать решительно ничего из того, что зрится очами смертных. Это она обещает показать со всей ясностью Бога истиннейшего и таинственнейшего, и вот, – вот уже как бы прорисовывает Его образ в светлом тумане. В усердных занятиях философией проводил со мной время и наш Лиценций. От юношеских обольщений и наслаждений он всецело обратился к ней, так что я не без основания решаюсь предложить его для подражания его отцу. Ибо если на кого, то уж никак не на философию станет жаловаться какой бы то ни было возраст за устранение от ее сосцов. А я, чтобы побудить тебя охотнее за нее взяться (хотя и хорошо знаю твою жажду), решил, однако, послать тебе вначале лишь маленький кусочек на пробу в надежде, что этот кусочек будет тебе весьма приятен и, так сказать, возбудит аппетит. Посылаю тебе запись состязаний, которые вели между собой Тригеций и Лиценций. Ибо и первого юношу, насколько привлекла было к себе служба, суля ему якобы освобождение от скуки учения, настолько же возвратила нам пламенным и неустанным ревнителем великих и почтенных знаний.

Итак, спустя несколько дней после того, как мы стали жить в деревне, когда, располагая и воодушевляя их к занятиям, я увидел их даже более, чем надеялся, готовыми к этим занятиям и страстно к ним стремящимися, то и захотелось мне испытать, что они могут в своем возрасте, тем более, что «Гортензий» Цицерона, казалось, уже в значительной мере ознакомил их с философией. Наняв писаря, дабы труд наш не был развеян по ветру, я не позволил ничему погибнуть. В этой книге ты прочтешь о том, насколько спорилось наше дело и каковы их суждения, равно и каковы мнения мои и Алипия.



Функции посвящения:

❖Мотивировка записи.

❖Представление действующих лиц.

❖Введение Романиана в качестве удаленного участника диалога.

❖Обращение к реальному жизненному кейсу, погружение в реальную экзистенциальную ситуацию Романиана.

❖Три диалога, «Против академиков», «О блаженной жизни» и «О порядке» объединяются воедино за счет схожей структуры: «эпистолярное посвящение – дни - состязания».

❖Вводятся темы или даже программы других диалогов, тем самым три диалога объединяются и тематически:

О блаженной жизни: «о другой блаженной жизни, которая, собственно, одна и блаженна?»

О порядке: «то, что мы обыкновенно называем фортуной, управляется некоторым сокровенным повелением, и случаем в событиях считается не что иное, как-то, основание и причина чего нам попросту неизвестны, и ничего не случается выгодного или невыгодного в частности, что не было бы согласовано и соотнесено с Общим.»

❖ Вводится то, что я бы назвал «длинной», «пунктирной» или «постепенно проясняющейся» метафорой, проходящей через все диалоги и в определенный момент кульминирующей:

Медвежьи бои – риторические состязания – бой петухов.

Тучные столы для ежедневных пиршеств – Моника, зовущая есть – день рождения Августина.

Плавание (водоворот, риск утонуть, дуновение, гавань) – карта плавания в «О блаженной жизни». (Также хозяйство, сон-пробуждение и т.д.)

Сам Августин обнажает прием: «Это она обещает показать со всей ясностью Бога истиннейшего и таинственнейшего, и вот, – вот уже как бы прорисовывает Его образ в светлом тумане.»